

Глава 20 Седьмой год Шэньчу

Юный господин Ляо

После целого дня и ночи, проведённых в ослиной повозке Цзян Даочжана, которая тряслась по диким горным тропам, едва не раздробив ягодицы Чжэнь Вэньцзюнь на четыре части и не вытряхнув душу. Наконец, вдали показалась неглубокая проезжая дорога. Проехав по ней ещё три ли, на земляном склоне в отдалении можно было смутно разглядеть квадратную городскую стену. Городишко стоял в одиночестве, без единого стража. Большой чёрно-красный флаг Великой Юй был криво воткнут на сторожевой башне, раскачиваясь на холодном ветру, словно готовый переломиться от следующего порыва.

Это было заброшенное место, уездный городишко беднее, чем Цисянь. Цзян Даочжан подогнал осла ближе к городским воротам, где зевающий стражник без шлема взглянул на его пропускную табличку, полуприкрыл глаза и махнул рукой, пропуская внутрь.

Уезд Цяньсу.

Проходя через ворота, Чжэнь Вэньцзюнь увидела покрытый серой пылью каменный столб с высеченным в уставном начертании названием уездного города. Увы, он давно был заброшен, и иероглифы едва можно было разобрать.

Цянь Су?

Чжэнь Вэньцзюнь вспомнила, что шесть уездов Суйчуаня все имели односложные названия вроде Цисянь, тогда как двусложные названия городов, казалось, чаще встречались в Дунчуне. Судя по расстоянию в её сознании, это место всё ещё должно было находиться в пределах управы Дунчунь.

Как только ослиная повозка остановилась перед одним из дворов, Чжэнь Вэньцзюнь услышала громкую ругань женщины и рыдания детей изнутри.

- Ни одна из вас не умеет как следует стоять, и сидеть правильно тоже не может. Нет нужды учить вас подавать чай или воду, хотя бы улыбаться можете, нет? Кто вообще вас полюбит с такими мрачными лицами? Проклятье! С вашим-то видом, сколько из вас доживёт до следующей зимы?

Цзян Даочжан привязал повозку и повёл её во двор.

- Кем я тебе прихожусь? - спросил Цзян Даочжан по пути.

- Приёмным отцом, господином Цзяном.

- Откуда ты родом?

- В шестистах ли к югу от хребта Суйдун лежат горы Сюймо. Мне 15 лет, только что достигла брачного возраста. Мой отец, который был моей единственной семьёй, умер три года назад. Спустившись с горы, чтобы самостоятельно зарабатывать на жизнь, я встретила господина Цзяна и госпожу Юэ. Господин Цзян и его жена пожалели меня и усыновили. С тех пор наша семья зарабатывает на жизнь продажей лекарственных трав.

- Я продал тебя местным жителям Ванья. Отныне тебе нужно помнить лишь восемь иероглифов: "Покоряйся обстоятельствам и действуй по ситуации". Не действуй опрометчиво.

Если испортишь важное дело господина, знаешь, каковы будут последствия. – Цзян Даочжан достал из кармана простой холщовый мешочек и швырнул ей. Когда он упал ей в руку, сердце Чжэнь Вэньцзюнь бешено заколотилось.

Ладони её вспотели, она с трудом собрала мужество развязать тонкую верёвочку на горловине мешочка. Наконец она открыла его и обнаружила внутри прядь чёрных волос.

Она не знала, печалиться ли или облегчённо вздохнуть.

– Если обманешь нас такой же конец ждёт и волосы Сяоши.

Похоже, это и вправду были волосы её матери.

Слово «к счастью» удобно устроилось в её сердце. По крайней мере, это были не другие отрубленные конечности.

Чжэнь Вэньцзюнь осторожно поместила мешочек за пазуху и вошла во двор с Цзян Даочжаном.

Во дворе дверь большого дома была распахнута настежь. Крепкая женщина средних лет стояла у входа, сердито отчитывая кого-то. Около десятка юных девушек сбились в кучу в страхе, не смея издать звука, слёзы текли по их лицам.

Чжэнь Вэньцзюнь сочувствовала юным девушкам, но, учитывая нынешние тяжёлые времена и смуту, это было неизбежно. Будь то в Суйчуане или других уездах, поля многих семей лежали заброшенными, и как бы они ни трудились, было трудно вырастить достаточно пищи. Не имея даже достаточно еды, как они могли иметь лишнюю пищу, чтобы растить детей? Если бы это был мальчик, возможно, они бы зажгли благовония и поддержали его ради продолжения рода. Но для них юные девушки были лишь растратчицами денег. Проданные в богатый дом в качестве прислуги, они могли хотя бы заработать немного денег и еды, чтобы помочь своим семьям пережить кризис. Для самих девушек это было хорошо: быть у богатого и влиятельного хозяина означало, что у них хотя бы будет еда, и они не умрут от голода.

Чжэнь Вэньцзюнь когда-то слышала от матери, что в Великой Юй уже создали рынки рабов, со специальными посредниками, занимающимися работоторговлей. Эти посредники полагались на опыт. Их глаза, повидавшие бесчисленное множество людей, могли выделить из огромного числа истощённых голодом детей тех, за кого можно было получить хорошую цену, и перепродавали их одного за другим следующим покупателям. Следующим покупателем могла быть богатая семья, лучшим исходом было стать слугой могущественного клана, или же они могли стать простыми торговцами, что было наиболее распространённой судьбой. В этом унылом мире бесчисленное множество людей умирало от голода, выживание было не вопросом судьбы, а борьбой.

Жуйшоу Ван, упомянутая Цзян Даочжаном, должно быть, и была тем, кто сейчас ругался и плевался. Чжэнь Вэньцзюнь чувствовала, что свирепый вид этой женщины был оправдан, учитывая нынешний хаос и распри, каждый должен был отдавать все силы, чтобы выжить.

– Сестрица, заняты? – обычно холодный и надменный Цзян Даочжан вдруг стал подобострастным, низко кланяясь с улыбкой, приветствуя жуйшоу Ван. Его глаза, прищуренные до щёлочек, похотливо уставились на её пышную грудь, когда он наклонился. Жуйшоу Ван покосилась на него, отвернулась и, всё ещё кипя от какой-то неизвестной обиды, презрительно фыркнула.

Цзян Даочжан подтолкнул вперёд Чжэнь Вэньцзюнь. – Кажется, я пришёл не вовремя, но я в нетерпении. Помнишь, о чём мы говорили в прошлый раз? Если у вас есть время, не могли бы вы взглянуть?

Жуйшоу Ван сначала выглядела нетерпеливой, но, окинув Чжэнь Вэньцзюнь взглядом, казалось, заметила что-то. Она схватила Чжэнь Вэньцзюнь за подбородок, поворачивая его влево-вправо, внимательно разглядывая, затем улыбнулась и сказала:

– О, неплохо. Сколько лет этой девушке? Выглядит довольно милостивой, но вот характер непонятен. Как её зовут? Цзян, это и вправду твоя дочь?

Цзян Даочжан уже собирался снова заговорить, но Чжэнь Вэньцзюнь быстро сообразила и шагнула вперёд, первой поклонившись. Она представилась как Чжэнь, дочь господина Цзяна, и упомянула, что уже достигла совершеннолетия в этом году.

Жуйшоу Ван трижды подряд сказала «хорошо», затем внезапно сбросила улыбку и строго сказала Цзян Даочжану:

– Ты - Цзян, а она - Чжэнь. Как вы можете быть семьёй? И сколько я ни смотрю, не вижу ни малейшего сходства между вами. Не пытайся меня обмануть, я такое здесь не принимаю.

Цзян Даочжан усмехнулся:

– О чём это вы? Этот ребёнок и вправду моя дочь, моя приёмная дочь. Её внешность пошла в её родную мать, которая была довольно хороша собой. Если бы не наше тяжёлое положение дома, я бы не привёл её сюда. Я хорошо заботился о ней все эти годы, давал ей лучшую еду и одежду. Я тайком привёл её сюда, пока моя жена была в отъезде. – Говоря это, он использовал свой грязный рукав, чтобы вытереть слёзы, размазывая грязь по всему лицу.

Чжэнь Вэньцзюнь молча восхищалась убедительной игрой Цзян Даочжана, думая, кто бы поверил, что этот деревенский мужик - эксперт по убийствам. Видя искреннюю игру Цзян Даочжана, она не могла просто стоять без дела. Она сильно потёрла глаза, пока они не покраснели, затем, не моргая, держала веки открытыми. Вскоре глаза начали невыносимо саднить, и через мгновение слёзы потекли, как жемчужины с порванной нити. Раньше она использовала этот трюк, чтобы вымалить прощение, когда мать собиралась её наказать, и никогда не думала, что он пригодится в таком случае.

– Отец, я тоже не могу покинуть тебя и мать... – Чжэнь Вэньцзюнь вцепилась в халат Цзян Даочжана, рыдая в три ручья.

Цзян Даочжан, увидев, как она мгновенно превратилась в плаксивую размазную, даже превзойдя его собственную игру, на мгновение почувствовал себя немного не в своей тарелке и ошеломлённым.

Жуйшоу Ван сказала:

– Ладно, ладно. Хотя она немного старше, она всё ещё довольно симпатична. Раз она не соблазнительница, я её заберу. Но, кстати, я продаю её только за наличные, выкупа не будет. Если у вас нет возражений, подпишите контракт, возьмите деньги и уходите. С этого момента, жить вашей дочери или умереть вас не касается.

Цзян Даочжан немедленно согласился, потирая руки, приложил отпечаток пальца к контракту, и взял серебро. Затем он дал Чжэнь Вэньцзюнь пару наставлений, велел слушаться

жуйшоу Ван и не создавать проблем. Чжэнь Вэньцзюнь поняла скрытый смысл его слов, кивнула в согласии и, наблюдая за лицом жуйшоу Ван, на котором под вульгарным макияжем виднелись признаки старения, задалась вопросом, не была ли она тоже пешкой семьи Се. Она решила найти возможность её проверить.

Неожиданно, прежде чем она смогла найти такую возможность, её и десяток других девушек запихнули в повозку. Их несколько раз перепродавали, каждый раз цена возрастала благодаря серебряным языкам посредников. Девушек ужасно тошнило во время поездки, пока их внутренности не чувствовались разорванными на части, но посредники полностью игнорировали их страдания, позволяя им день ото дня слабеть.

Чжэнь Вэньцзюнь искренне не могла понять умы этих посредников. Даже если девушек рассматривали как товар, купленный за серебро, разве не было бы убытком, если бы они умерли по пути? Однако, подумав, в те времена еда была ценнее человеческих жизней. Эти расчётливые посредники скорее дали бы девушкам умереть от болезни, чем потратили бы на них деньги. Она вспомнила, что во время спаррингов с Цзян Даочжаном она случайно нашла траву, которая, казалось, укрепляла и восстанавливала силы. Независимо от её эффективности, она решила собрать немного и попробовать.

После употребления травы две девушки, которых больше всего тошнило, наконец заснули, а проснувшись на следующий день, выглядели немного лучше. Они сэкономили кусок парового хлеба благодаря бережливости и тайно отдали его Чжэнь Вэньцзюнь в благодарность за спасение их жизней.

Повозка двигалась на юг, останавливаясь и снова трогаясь по пути, десяток с лишним девушек постепенно разобрали, и попутчиков становилось всё меньше.

Еда была на вес золота во время голода. Чжэнь Вэньцзюнь долго хранила кусок парового хлеба, не желая его съесть. Всякий раз, когда она хотела его съесть, она думала о матери, гадая, как у неё дела и сможет ли она получить кусок горячего парового хлеба. Поэтому она сопротивлялась своему желанию и надёжно хранила хлеб за пазухой.

По мере продвижения на юг Дунчуня становилось теплее, и стёганая куртка Чжэнь Вэньцзюнь стала неудобной.

Город Таоцзюнь расположен на самом юге Дунчуня, отделённый от Пинцана лишь самой низкой вершиной хребта Суйдун. Пересекая эту гору, движение становилось оживлённым, и город Таоцзюнь был уже виден.

Когда повозка въехала в Таоцзюнь, осталось всего несколько девушек, каждая из них была исключительно хороша собой. Чжэнь Вэньцзюнь не знала, куда её продадут, и молча гадала. Было ясно, что за год в старом дворике она копила силы, ожидая возможности приблизиться к Вэй Цзычжо. Но теперь её продают в отдалённое место, не предупреждая о дальнейших действиях - разве они не боялись, что она всё испортит из-за неопределённости в будущем? Чжэнь Вэньцзюнь взглянула на растерянные лица других девушек в повозке и вдруг осознала, что она ничем не отличается от них, затем она поняла намерения, стоящие за этим ходом.

Поскольку она не знала, куда её везут, у неё не было возможности выдать себя, тем самым сводя к минимуму риск раскрытия её личности. Восьмиероглифное предупреждение Цзян Даочжана «действуй по ситуации» было не просто пустыми словами. Они создали самый естественный сценарий, чтобы полностью обмануть Вэй Цзычжо. Если однажды она сможет успешно добраться до стороны Вэй Цзычжо, это произойдёт незаметно для всех.

Фраза «действуй по ситуации» была её величайшим испытанием.

После прибытия в Таоцзюнь её и девушек заперли в дворике в восточной части города. Посредники здесь не плохо обращались с ними, обеспечивая их ежедневными приёмами пищи. Изначально девушки грустили и плакали, потому что покинули дома, но в течение нескольких дней, увидев, что у них достаточно еды и одежды, они начали смеяться и играть. Поскольку ещё несколько дней не было никаких дел, команда торговцев, доставляющих рис и муку на воловьих повозках, прибывала к задним воротам ежедневно, и посредники заставляли бездельных девушек помогать разгружать товары.

- Неужели мы просто будем домашними служанками здесь? - спросила самая болтливая девушка, тихо принося стопку ткани в комнату.

- Мечтай дальше! Ты разве не знаешь, где мы? За этими стенами крупнейший рынок рабов в Таоцзюне. Мы ждём, когда придут покупатели, - ответила другая девушка, спасённая лекарством Чжэнь Вэньцзюнь и едва добравшаяся до Таоцзюня.

- Придёт ли сюда какой-нибудь молодой господин, чтобы купить рабынь?

- Ты бы точно предпочла, чтобы тебя купил какой-нибудь красивый молодой господин и сделал своей наложницей.

- Ах, что ты говоришь! Хм, не говори мне, что ты тоже так не думаешь.

- Конечно, думаю, я надеюсь быть замеченной юным господином Ляо. Если бы он мог купить меня, в моей жизни появилась бы надежда.

- Юный господин Ляо? Кто это?

- Ты не знаешь юного господина Ляо? Он самый щедрый и романтичный молодой господин из знатной семьи во всём Дунчуне, известный своей добротой и нежностью к женщинам. Независимо от их происхождения, он относится к тем, кто ему нравится, с равным уважением. Юный господин Ляо наиболее внимателен и нежен к тем, кого любит. Я слышала, что госпожа Чжэньфу из двора Силе обожает окуня из Сунцзяна, и чтобы заставить её улыбнуться, он приказывал доставлять ежедневно самых свежих окуней быстрыми лошадьми из Сунцзяна, храня их на льду. А третья госпожа из семьи Чжу, которая является мастером в фехтовании, получила редкий фехтовальный руководств, переписанное на золотые листы, в подарок на Праздник фонарей. О, если бы я могла заслужить благосклонность юного господина Ляо, я бы умерла счастливой!

<http://bllate.org/book/17227/1612208>